

В. Я. Шумкин^а, В. Л. Державин^б, А. Л. Хлобыстин^с

^а Институт истории материальной культуры РАН,
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург,
191186, Россия
[shumkinv@yandex.ru]

^а Institute for the History of Material Culture RAS,
18 Dvortsovaya emb., St. Petersburg,
191186, Russia
[shumkinv@yandex.ru]

^б Институт археологии РАН,
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
[derzh@yandex.ru]

^б Institute of Archaeology RAS,
19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036, Russia
[derzh@yandex.ru]

^с Музей современных искусств
им. С. П. Дягилева СПбГУ, наб. Лейтенанта
Шмидта, 11/2,
Санкт-Петербург, 199034, Россия
[diaghilevmuseum@spbu.ru]

^с Diaghilev Contemporary
Art Museum,
11/2 Lieutenant Schmidt Emb.,
St. Petersburg, 199034, Russia
[diaghilevmuseum@spbu.ru]

Шпицбергенский сезон Л. П. Хлобыстина: материалы к биографии выдающегося исследователя древностей российского Севера

Статья поступила 24.03.2022, доработана 29.04.2022, принята 11.05.2022

Для цитирования: Шумкин В. Я., Державин В. Л., Хлобыстин А. Л. Шпицбергенский сезон Л. П. Хлобыстина: материалы к биографии выдающегося исследователя древностей российского Севера. *Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований*. 2022 (1), 70–91. DOI: 10.31600/2658-3925-2022-1-70-91.

For citation: Shumkin V. Ya., Derzhavin V. L., Khlobystin A. L. Spitsbergen season of L. P. Khlobystin: materials to the biography of an outstanding student of antiquities of the Russian North. *Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies*. 2022 (1), 70–91. (in Russ.). DOI: 10.31600/2658-3925-2022-1-70-91.

Резюме. В статье представлено краткое описание жизненного пути и научной работы археолога Л. П. Хлобыстина (1931–1988), внёсшего выдающийся вклад в изучение первобытного прошлого Сибири и, в первую очередь, арктических её областей. Особое внимание уделено полевому сезону 1982 года, проведённому

Shumkin V. Ya., Derzhavin V. L., Khlobystin A. L. Spitsbergen season of L. P. Khlobystin. The article presents a brief description of the life path and scholarly works of Leonid Pavlovich Khlobystin (1931–1988) who made a substantial contribution to the study of the prehistoric past of Siberia including its Arctic areas. Special attention is given to

им на Шпицбергене. Впервые публикуются его письма родным в Ленинград из шпицбергенской экспедиции. В статью включено также биографическое эссе о Леониде Павловиче, написанное его сыном А. Л. Хлобыстиным.

Ключевые слова: Л. П. Хлобыстин, Арктика, Сибирь, Шпицберген, археологические исследования.

the field season of 1982 which he spent on Svalbard. The paper also includes the first-time publication of L. P. Khlobystin's letters to his relatives in Leningrad sent from Svalbard, as well as a biographic essay about him written by his son A. L. Khlobystin.

Keywords: L. P. Khlobystin, Arctic, Siberia, Svalbard, archaeological explorations.

Введение

Совсем недавно один из авторов этой статьи опубликовал небольшой очерк по случаю 90-летия со дня рождения Леонида Павловича Хлобыстина (Шумкин 2021: 245–254). Очерк прочли сотрудники музея «Помор», находящегося в посёлке Баренцбург на Шпицбергене, и огорчились: «Как же так получилось, что ничего не сказано о работе Леонида Павловича на нашем архипелаге, ведь он же был у нас, даже помогал в организации музея. Он и наш тоже». Тогда мы решили объединить усилия и исправить это упущение. В этой статье, очертив сначала вкратце основные вехи биографии Л. П. Хлобыстина, мы затем пытаемся на основе сохранившихся документов осветить, насколько это возможно, общий характер и некоторые детали его работы на Шпицбергене. В приложениях к статье впервые публикуются его письма родным в Ленинград из шпицбергенской экспедиции (приложение 1), а также биографическое эссе о Леониде Павловиче, написанное его сыном А. Л. Хлобыстиным (приложение 2).

Основные вехи жизненного и творческого пути

Л. П. Хлобыстин родился 2 марта 1931 года в Ленинграде, в семье Павла Дмитриевича и Анны Максимовны Хлобыстиных. В 1952 году, по завершении учёбы в школе, он поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, который окончил в 1956 году по кафедре археологии (рис. 1, 2). Его дипломная работа называлась «К вопросу о хронологии и территориальном распространении наконечников стрел неолита лесной полосы европейской части СССР», научным руководителем была Татьяна Дмитриевна Белановская, которая позднее вспоминала: «Когда Леонид Хлобыстин защищал свою дипломную работу, в которой все признали высокую научную ценность, я ему

Рис. 1. Студенты кафедры археологии Исторического факультета ЛГУ Леонид Хлобыстин (на переднем плане) и Игорь Шургая. Середина 1950-х годов

Fig. 1. Students of the Chair of Archaeology at the Historical Department of Leningrad State University Leonid Khlobystin (on the foreground) and Igor Shurgaya, middle 1950s

Рис. 2. Студент Хлобыстин с сокурсниками и преподавателями кафедры археологии Исторического факультета ЛГУ. Середина 1950-х годов
Fig. 2. Leonid Khlobystin with his fellow students and teachers, Chair of Archaeology of Leningrad State University, middle 1950s

Рис. 3. Некрополь Мирмекия. Археолог В. Ф. Гайдукевич, студент Леонид Хлобыстин и писательница Мариэтта Шагинян. 1953 год
Fig. 3. Necropolis of Myrmekion. Archaeologist V. F. Gaidukevich, student Leonid Khlobystin and famous soviet writer Marietta Shaginyan, 1953

сказала, что она может стать отличным заделом кандидатской диссертации». Но Леонида Хлобыстина не привлекали ни исследования южных территорий вроде Мирмекия, где он работал в 1953 году в экспедиции В. Ф. Гайдукевича (рис. 3), ни даже лесная зона России, по материалам которой он писал свой диплом. Он мечтал о Севере, об Арктике. Поэтому, когда он в 1958 году поступил в аспирантуру Ленинградского отделения института археологии (ЛОИА) АН СССР, его научным руководителем стал признанный лидер северной археологии Алексей Павлович Окладников.

Ещё будучи аспирантом, Леонид Павлович организовал Заполярный отряд ЛОИА АН СССР, целью которого являлось археологическое исследование Арктики. В 1960-е годы, наряду с проведением собственных полевых исследований, он принимал участие в работе ряда других экспедиций ЛОИА на северных территориях: на Байкале, где познакомился со своей будущей женой Марьяной Дмитриевной (рис. 4, 5), на Камчатке, в Эвенкии, на Мезени. В 1961 году после окончания аспирантуры Л. П. Хлобыстин был зачислен младшим научным сотрудником в сектор палеолита. В начале этого же года в семье Хлобыстиных родился первенец (рис. 6).

Кандидатская диссертация «Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века)», написанная под руководством А. П. Окладникова и защищённая в 1964 году, обобщала обширные материалы, полученные к тому времени по этой проблематике.

Полевые работы в экстремальных условиях Арктики с её огромными и почти не заселёнными пространствами были очень трудными, а порой и просто отчаянно рискованными. Несмотря на это, сотрудниками Заполярного отряда ЛОИА АН СССР под руководством Л. П. Хлобыстина была обследована обширная территория, открыты сотни стоянок древнего человека, среди которых были и первые мезолитические комплексы, раскопано несколько древних поселений. Археологической сенсацией для этого полярного региона стало

Рис. 4. Марьяна Дмитриевна Корзухина на раскопках на Байкале, 1959 год
Fig. 4. Maryana Dmitrievna Korzukhina at the excavation, Lake Baikal, 1959

открытие бронзолитейной мастерской Абылаах I (недалеко от Норильска), при раскопках которой были найдены тигли для плавки бронзы, льячки и форма для отливки антропоморфной фигурки. Не менее значимыми оказались раскопки на стоянках Маймече I и IV. Среди находок были и уникальные стеатитовые лабретки — украшения, которые крепились в прорези возле рта во время обряда инициации.

Важным событием для первобытной археологии Сибири явилась подробная, тщательно подготовленная Леонидом Павловичем публикация материалов древнейших памятников Байкала (Хлобыстин 1965). Заметный вклад в изучение эпохи бронзы Урала и Западной Сибири внесла вышедшая десятью годами позже монография, в которой на основании анализа большого массива данных сделан вывод о существовании в таёжной зоне Южного Зауралья особой «андроноидной» культуры, принадлежащей потомкам лесных неолитических племён, и дана широкая историческая картина её возникновения на периферии андроновской историко-культурной общности (Хлобыстин 1976б).

Обширные исследования, проведённые его экспедицией на Таймыре, сделали этот район археологически наиболее изученным на севере Сибири. Результаты исследований были обобщены в докторской диссертации «Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии», защищённой в Институте археологии АН СССР в марте 1983 года. В этой работе были суммированы итоги девяти полевых сезонов Заполярной

Рис. 5. Марьяна Дмитриевна Хлобыстина (Корзухина) и Леонид Павлович Хлобыстин в экспедиции, село Лиственничное в Прибайкальском районе республики Бурятия. Лето 1959 года

Fig. 5. Maryana Dmitrievna Khlobystina (Korzukhina) and Leonid Pavlovich Khlobystin in the field, Listvennichnoe village, Republic of Buryatia, summer of 1959

экспедиции. Через 10 лет после смерти Леонида Павловича, последовавшей в 1988 году, его докторская диссертация была издана в виде монографии (Хлобыстин 1998), а ещё через семь лет она вышла в США на английском языке (Khlobystin 2005).

Для исследований Л. П. Хлобыстина всегда была характерна широкая постановка проблем, базирующаяся на детальном, глубоком знании материала, как археологического, так и этнографического. Его авторитет исследователя древностей Сибири был очень высок. Для двух томов обобщающего издания «Археология СССР» им написаны важные разделы, посвящённые проблематике неолита и бронзового века обширного региона Восточной Сибири (Хлобыстин 1965; 1987). Вместе с тем он не замыкался лишь на сибирской проблематике. Важный след в изучении Европейского Севера оставила его статья «Крайний Северо-Восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы» (Хлобыстин 1973). Большой интерес он проявлял и к теоретическим вопросам, о чём особенно наглядно свидетельствуют статьи в сборниках «Охотники, собиратели, рыболовы» (Хлобыстин 1972: 26–42) и «Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений» (Хлобыстин 1974). Целый ряд исследований Л. П. Хлобыстина был посвящён проблемам происхождения народов Сибири (Хлобыстин 1969; 1981). В 1985–1987 годах им были сделаны важнейшие открытия на острове Вайгач и полуострове Югорском, выявлены, в частности, древнейшие святилища,

Рис. 6. Первенец Андрей Хлобыстин на руках друга, археолога Якова Абрамовича Шера, начало 1961 года

Fig. 6. L. P. Khlobystin's firstborn son Andrei in the arms of his friend archaeologist Yakov Abramovich Sher, early 1961

упоминания о существовании которых сохранились в некоторых письменных источниках. Найденные здесь первоклассные памятники культуры и искусства во многом дополняют открытия, сделанные в таких важных центрах, как Старая Ладога и Новгород, но опубликовать эти блестящие материалы он, к сожалению, уже не успел.

Шпицбергенская страница

Возможно, уже в 1979 году Л. П. Хлобыстин побывал на Шпицбергене и даже выступил там с лекциями, о чем как будто бы свидетельствует выданный ему администрацией рудника по поручению шахтёров-полятников Баренцбурга памятный адрес (рис. 7). Однако других сведений об этой поездке не найти не удалось. Можно предположить, что она была осуществлена с помощью друзей — моряков или лётчиков, которых было немало в окружении Леонида Павловича. Не исключено, однако, что бланк адреса с печатью взяли из старых записок, а фамилию впечатали уже в 1982 году.

Рис. 7. Памятный адрес Л. П. Хлобыстину от шахтёров Баренцбурга
Fig. 7. Commemorative address to L. P. Khlobyustin from the coal-miners of Barentsburg

Когда летом 1982 года появилась возможность участия в археологической экспедиции Института археологии АН СССР на Шпицбергене, Леонид Павлович, конечно, с радостью за неё ухватился. Это была пятая поездка экспедиции на архипелаг, шло накопление археологического материала по культуре русских поморов (Старков и др. 2005).

Освоение Шпицбергена русскими началось в XVIII веке. В то время к берегам Груманта (так тогда называлась эта земля) добирались на утлых лодках-кочах поморы, промышлявшие охотой на морского зверя. Подтверждением этого служат сохранившиеся на побережье Шпицбергена остатки их небольших зимовий и таких судов, какими в те времена пользовались только русские мореходы. В 1912–1914 годах выдающийся исследователь Арктики Р. Л. Самойлович, обследовав территорию протяжённостью около 1000 вёрст, обнаружил на Западном Шпицбергене промышленные угольные месторождения и поставил на них первые заявочные знаки на имя русских предпринимателей. В 1915 году он организовал там добычу угля. Ныне наша часть Шпицбергена — это отдельные небольшие территории на острове Западный Шпицберген площадью 251 км², включающие в себя три месторождения каменного угля, шахты и посёлки Баренцбург (рис. 8), Пирамида и Грумант. Действующей на настоящее время является одна шахта и посёлок Баренцбург, которому Ф. Нансен посвятил раздел в своём историческом очерке (Нансен 1938). Шахта и посёлок городского типа Пирамида сейчас

Рис. 8. Баренцбург, Шпицберген, 1980-е годы
Fig. 8. Barentsburg, Svalbard, 1980s

законсервированы, а от шахты и поселка Грумант осталось лишь несколько брошенных сооружений и домов.

В экспедиции 1982 года помимо её начальника В. Ф. Старкова и Л. П. Хлобыстина участвовали П. Ю. Черносвитов, В. И. Завьялов, А. В. Куйбышев, П. К. Халяев и А. В. Фараджев. Полевые работы включали раскопки становищ и разведки. Раскопкам подверглись становища Фармхамна, Вилкинсбухта и Ингербригтснбухта на северном берегу залива Ис-фьорд, а разведками были охвачены восточный берег Шпицбергена, острова Эдж и Принца Карла. Кроме этого члены экспедиции работали над созданием археологической экспозиции в музее «Помор» в Баренцбурге (рис. 9). Этот музей знакомит посетителей с материальной культурой русских поморов в одном из самых удалённых северных регионов — на архипелаге Шпицберген (Державин, Колесников 2020), а также с историей работы здесь западноевропейских китобойных станций в XVI–XX веках.

Леонид Павлович к тому времени уже имел солидный опыт работы с музейными коллекциями и организацией археологических экспозиций. В частности, ещё в 1967 году он подружился с сотрудниками краеведческих музеев в Дудинке и Салехарде. В том году Таймырский краеведческий музей получил к своему 30-летию новое помещение. Активно комплектовались фонды. Основой их археологической части стали уникальные находки, переданные Л. П. Хлобыстиным. Им же совместно с научным сотрудником музея В. Я. Федюшиным был

Рис. 9. Один из залов музея «Помор» в Баренцбурге на Шпицбергене, начало XXI века
Fig. 9. One of the rooms of the Pomor Museum at Barentsburg, Svalbard, early 21st century

разработан тематико-экспозиционный план отдела досоветского прошлого. Сегодня в археологическом комплексе музея представлены подлинные артефакты от эпохи палеолита до железного века, найденные Леонидом Павловичем. Всего в собрании более 8000 вещей, добытых Заполярной экспедицией. По этим материалам и реконструкциям музей и ныне знакомит посетителей с древнейшим прошлым Заполярья.

В Баренцбурге Леонид Павлович тоже активно включился в музейную работу, уделив две недели организации археологической выставки, которая должна была открыться ко Дню шахтёра (последнее воскресенье августа). Здравствующие ныне музейные работники Баренцбурга хорошо помнят его работу на Шпицбергене.

Нам, тогда ещё молодым его коллегам, Леонид Павлович неоднократно советовал оказывать помощь музейным работникам, подчёркивая, что музеи — это наш тыл и задел на будущее для следующих поколений археологов, а также демонстрация нужности и актуальности нашей работы.

Первое его письмо со Шпицбергена (от 06.07.1982, см. приложение 1) начинается с описания того, как членов экспедиции поселили в финском домике поселка с видом на фьорд. Это Грен-фьорд, представляющий собой маленький рукав Ис-фьорда, где расположены Баренцбург и Лонгйирбуен — административный норвежский центр Шпицбергена (Свальбарда). На противоположной его стороне, к западу от российского посёлка возвышается гряда невысоких гор, которые большую часть года покрыты снегом. Уже 9 июля восемь человек вылетают в поле. Надо заметить, что в советское время на Шпицбергене

авиаотряд насчитывал пять вертолётов МИ-6, обслуживавших трест «Арктикуголь» и научные экспедиции. Сейчас летает только один вертолёт.

Сначала экспедиция отправилась на становище Фармхамна, где раскопали два поморских дома, обнаруженных гляциологом В. С. Корякиным из института географии АН СССР. Становище находилось на узком перешейке шириной 200 м и состояло из двух жилых построек и креста. Они стояли на морской террасе высотой около 1 м над пляжем и 2,4 м над уровнем моря. Оба дома были ориентированы в направлении север-юг. Первый трёхчастный дом состоял из тёплого помещения с печкой, а также сеней и бани. Вторая постройка находилась в 10 м от первой и 32 м от моря, но её очертания читались плохо. Дендрохронология спилов позволила датировать первый дом 1756 годом, а второй — 1746-м (Старков и др. 2005: 51). Обратные члены экспедиции добирались на морском катере-буксире и заодно решили посетить северо-запад Шпицбергена — острова Амстердам и Датский, бывшие в XVII веке центрами европейского китобойного промысла. Здесь находился посёлок Сmeerенбург — главная база голландских китобоев на Шпицбергене. В разные годы он исследовался археологами из разных стран.

10 августа экспедиция вылетела на западный Шпицберген в район бухты Хорнсунн, где работали польские археологи под руководством Яна Хохоровского из Кракова, с разрешения норвежской администрации исследовавшие поморские становища и погребения (Chochorowski 1999). После Хорнсунна члены экспедиции рассчитывали вернуться в Баренцбург 25 августа, видимо, чтобы успеть ко Дню шахтёра. В прежние годы в этот праздник устраивались разные спортивные соревнования между русскими Баренцбурга и норвежцами Лонгйирбюена.

Последним пунктом, где побывала экспедиция, стало место недалеко от западного берега Западного Шпицбергена, где ранее В. С. Карякин нашёл остатки деревянного судна. Эти остатки показали Л. П. Хлобыстину «невероятными» (недатированное письмо, см. приложение 1). Судно лежит на полпути между поморскими становищами Руссекейла и Гравшен. Оно не имеет ничего общего с кочами, на которых ходили поморы. В письме говорится о восточном берегу Западного Шпицбергена, но это, скорее всего, описка: имелся в виду западный берег, поскольку на восточном остатки судов вообще не обнаружены, да и разведки там советскими (российскими) археологами не проводились.

Многие строки писем Леонида Павловича, особенно посвящённые животным и некоторым бытовым подробностям экспедиционной жизни, нельзя читать без улыбки, да и в целом стиль лёгкий, чуть ироничный. В письмах, отправленных домой со Шпицбергена, их автор раскрывается не только и даже не столько как исследователь, сколько просто как человек — человек, прежде всего, добрый и любящий, помнивший и заботившийся о близких, несмотря ни на какие обстоятельства и расстояния.

Благодарности

Публикуемые в статье фотографии из архива семьи Хлобыстиных представлены Андреем и Майей Хлобыстиными, за что соавторы им чрезвычайно благодарны.

Письма Л. П. Хлобыстина со Шпицбергена

Письмо от 06.07.1982 (рис. 10)

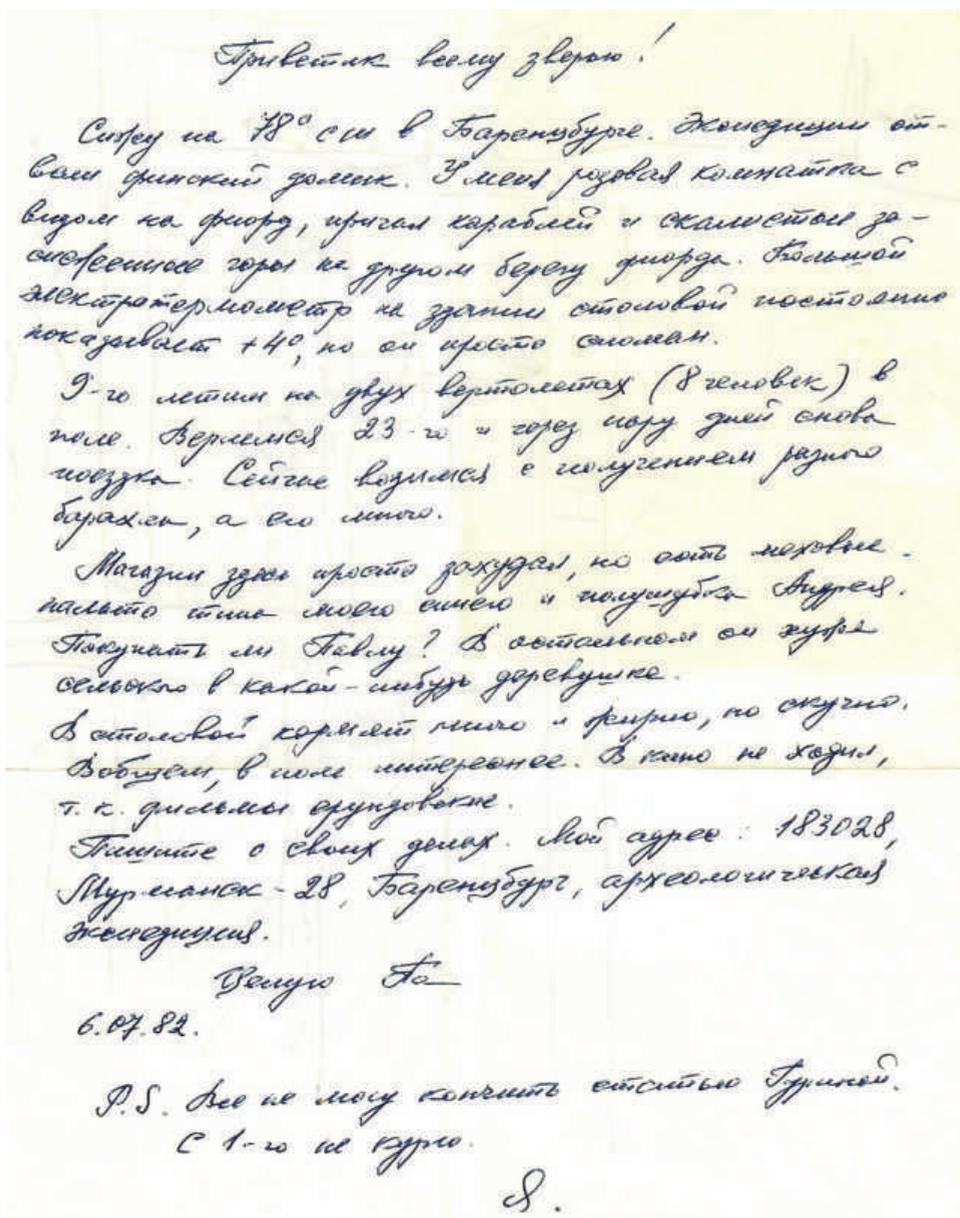

Рис. 10. Факсимиле письма Л. П. Хлобыстина со Шпицбергена от 06.07.1982
Fig. 10. Facsimile of one of L. P. Khlobystin's letters from Svalbard

Привет всему зверью!

Сижу на 78 гр. с. ш. в Баренцбурге. Экспедиции отвели финский домик. У меня розовая комната с видом на фьорд, причал кораблей и скалистые заснеженные горы на другом берегу фьорда. Большой электротермометр на здании столовой постоянно показывает +4°, но он просто сломан. 9-го летим на двух вертолетах (8 человек) в поле. Вернёмся 23-го и через пару дней снова поездка. Сейчас возимся с получением барахла, а его много. Магазин здесь просто захудал, но есть меховые пальто типа моего синего и полушубка Андрея. Покупать ли Павлу? В остальном он хуже сельского в какой-нибудь деревушке. В столовой кормят много и жирно, но скучно. В общем, поле интереснее. В кино не ходил, т. к. фильмы ерундовские. Пишите о своих делах. Мой адрес: 183028, Мурманск-28, Баренцбург, археологическая экспедиция.

Целую Па... 6.07.82. P. S. Все не могу кончить статью Гуриной. С 1-го не курю. Я.

Письмо от 29.07.1982

Майчонок, дорогой, здравствуй!

Спасибо за письмецо. Ну, что же, ты на юге и, молодец, рисуешь античные развалины. У меня всё время было чувство, что Пругло подведет в отношении поездки. Уж слишком она была требовательна к срокам работы машины. Ладно, дело прошлое. М.б. вам съездить в Керчь? Списать с Боспорской экспедицией, Горончаровским или Виноградовым в отношении возможности просто ночлега, если не получится в Херсонесе. Посмотрите новые места. У нас не так как на юге у Черного моря: температура плюс 5, плюс 3. На горах лежит снег, а по берегам бродят северные белые мишки. Один из них хотел зайти к нам в лагерь, но остановился метрах в 50, и когда все выскочили из палатки смотреть на него, решил бежать от археологов. Раскопали мы два поморских дома; завтра летим на вертолёт в место, где есть ещё развалины дома. После его раскопок снова вернемся в Баренцбург на несколько дней, чтобы отдохнуть, выехать в разведку. «Невыносимые полярные условия» таковы, что я «поправился» на целых 6 кг и стал очень толстым. Вероятно, не надо было бросать курить, а есть поменьше. Но скучно. В столовую ходить развлечение, а в ней невольно занимаешься обжираловкой, благо всё бесплатно и разнообразно. В магазине здесь хуже, чем было раньше. Для тебя с Лильчёнком я ничего не увидел. Лучше сохраню деньги до дома.

Передавайте от меня Беляеву привет, когда он появится.

29.07.82 Целую Я.

Письмо от 09.08.1982

Огромный привет всем, всем, всем!

Особый привет шлют Арамису местные баренцбургские коты и кошечки. Они сетуют, что я не привёз его, т. к. здесь только чёрные и обычные серо-полосатые представители их племени и появление розового красавца произвело бы фурор и внесло бы разнообразие в цветовую гамму. Демиэкспортная жизнь продолжается в привычном ритме. На вертолётах летим в точку, где ставили лагерь, раскапываем остатки поморских домов и ждём, когда нас заберут обратно

в Баренцбург. Разнообразие внесла попытка съездить на морском буксире в северо-западную часть архипелага на острова Датский и Амстердам. На последнем голландские китобои в XVII в. построили большой поселок Сmeerенбург, названный так из-за того, что там топили сало китов и моржей пока их не истребили. Поездка началась хорошо, но когда вышли в океан, попали в шторм. Волны седые от пены бросали буксир в разные стороны, заливали от носа до кормы. Стоять на палубе было невозможно. А внутри, казалось, стены стремятся стать потолком. Ну, ладно, сухопутных археологов это могло пронять запросто, но заболели от качки многие из команды. Я с трудом справился с собой и койкой и заснул. Проснулся от мерной качки, взглянул в иллюминатор и увидел знакомые берега Ис-фьорда. Оказалось, капитан повернул домой, в Баренцбург. Здесь просидели неделю, подготавливая в одном из залов клуба археологическую выставку. Открытие ее намечено на 28 августа и приурочено ко Дню шахтёра. Ну, а завтра, 10 августа, попытаемся, если погода позволит, вылететь на две недели на западное побережье. Там будут разведочные маршруты. Возможно, встретимся с поляками (там стоит их экспедиция и они стали копать могилы и дома поморов, хотя правила это запрещают) и белыми медведями.

Один из мишек пытался проникнуть в наш лагерь, но испугался бородатосурьчатых рож археологов и позорно удрал. Там, куда поедем, три медведя создали компанию и попытались сожрать двух норвежцев. Те спаслись на крыше домика. Медведи домик разорили и ушли. Вероятно, ждут нас, откормленных археологов. Я поправился до 78 кг! Вероятно, не только от кормёжки, а она — обильна, а оттого, что не курю. Как у вас дела? Майчонок прислал хорошее по настроению письмо. Жду теперь сообщение от Лильчонка. Как бы не сложились у него дела — всё к лучшему! С 1-го сентября начнётся подписка. Узнай, Лис, на что можем подписаться в Институте. Тут можно будет подписаться на некоторые центральные газеты и журналы. Сообщи, на какие подписаться не удалось. В Баренцбург вернёмся к 25 августа, а письма придут 18-го и 1-го сентября самолётами. Так что жду известий в эти дни. Как провели лето Алла и Андрей? Им приветы и пожелания учиться на последнем курсе лучше, чем на I–IV.

Целую.

Обитающий между полюсом, до которого ближе, и Кольским п-овом.

9.08.

Письмо от 30.08.1982

Поляр. привет!

Получил Андрюшкино послание, которое вызвало один вопрос: каково имя черношкурного питомца? Приятно, что квартира недалеко от Института, чаще можно будет заходить, чай пить. Но за сентябрь произошли многие и другие события... Сообщите о них. Как понравилась поездка по Белоруссии? Последние письма я смогу получить с самолётом в середине сентября. Он привезёт и заберёт наши известия о времени возврата. Это письмо отправит из Москвы один из наших сотрудников, первая улетевшая птица. Сейчас все горы вокруг Баренцбурга покрыты снегом. Снег на крышах и дорогах и всё продолжает идти. Хотя, возможно, он и тает, но полевой сезон можно считать конченным. Неделю назад вернулись из разведки и занялись музеем: ко Дню шахтёра и юбилею Баренцбурга нужно было сделать археологический зал. Он получился

интересным и красивым. Начальство рудника довольно и обещало нас чем-то отметить. Не знаю, как понравится норвежцам большущая, из пенопласта вырезанная карта со множеством поморских домиков и крестов.

Субботу и воскресенье (28 и 29) Баренцбург был праздничным: отмечали его 50-летие и День шахтёра. Открыли наш музей, установили доску в честь 50-летия, цветы к новому гранитному бюсту Ленина, концерт-встреча с киноактрисой, конечно, шампанский коктейль в кафе «Русский сувенир» в гостинице, где я сейчас живу. Городок весь во флагах и памятниках.

Теперь мы займёмся обработкой находок. Я думаю за 7–10 дней с ними справимся, а там будем думать, как выбраться. В связи с праздником сюда прилетело много народа и, как всегда, осенью возвращается большое число шахтёров, закончивших контракт, и экспедиционщиков. С самолётом в середине сентября смогут улететь только два наших парня. Остальные вынуждены будут искать okazji на проходящих за углем транспортах и ехать 3–5 дней до Мурманска или Архангельска, либо ждать до самолёта, который будет 29 сентября. Я, вероятнее всего, полечу этим самолётом, т. к. морем можно вернуться на неделю раньше, но при этом много неудобств и теряются полевые доходы (около 70 руб.). К середине месяца станет ясно, как будем возвращаться.

У геологов небольшое ЧП: война с медведями. Среди первых почему-то много женщин и на север архипелага была отправлена партия из трёх геологинь и парня. Вдруг получаю радиogramму, что напали медведи и кончились патроны. Чтобы не растратить шпицбергенские боезапасы, партию сняли. Рассказывают, что 10, а м. б. больше, медведей шли в атаку широким фронтом, обходя с флангов. Стрельба шла как в сражении под Курском. В результате убит медвежонок (по др. сведениям 10-летний мишка), в которого с расстояния 100 м (!!!) влепили 11 (!!!) пуль. Сусельман (норвежский губернатор) был рассержен, но узнав, что подвиг совершили женщины, стал галантен, тем более оказалось, мишка был чем-то болен. Таковы здешние «невыносимые полярные условия». В ожидании возврата на материк будем ходить в кино (каждый день новый фильм), обжираться, пользоваться правом полярного арктического сна. Полярник спит, а деньги идут. И приходится с этим злом мириться.

30.08.

Целую

Специально расклеил письмо, чтобы спросить: как дела с подпиской на след. год? Если нужно что-нибудь, то срочно сообщите. М.б. удастся здесь подписаться (не больше трёх изданий).

Недатированное письмо

Privet to all of us!

Начинаю так последнее письмо со Шпица, потому что вчера наслышался иностранной речи. В воскресенье Баренцбург встречал норвежских спортсменов. Были вывешены государственные флаги. Гости приехали на губернаторском судне «Polar star» (Полярная звезда), которое ходит под двумя флагами: норвежским и губернаторским. Последнее тёмно-синее с огромным белым медведем. Судно красивое: белое с жёлтым и на корме пристроена площадка для вертолётa. Был самый северный футбольный матч. Наши победили со счётом 4 : 1. А потом в кафе, которое в гостинице под моим номером, долго шумели

и пели «Подмосковные вечера», «Калинку» и др. ставшие международными песнями. Сегодня неожиданно (ждал, что придут послезавтра с самолетом) получил известия от Павлуши. С большим удовольствием прочёл про его путешествие. Было бы здорово, если бы и следующим летом было бы подобное. В среду уезжают ещё двое наших ребят, и это письмо отправляю с ними. Нас останется пятеро, упаковывать и сдавать на склад вещи и думать как выбраться. Следующий самолёт будет 29-го. Удастся ли всем улететь с ним — не ясно, т. к. осень(ю) многие покидают остров. Думаю, что всё-таки я смогу улететь 29-го, а 4-го быть в Л-де. В прошедшую пятницу смогли слетать на восточный берег острова Западный Шпицберген, где по сведениям гляциолога Карякина лежали остатки деревянного судна. Эти остатки нашли. Они очень невразумительные, но поездка была замечательной. Летели над горами и ледниками. Восточный берег более суров, чем западный. Плавают большие айсберги. Около ледника в море было множество белух, голубовато-зелёных под водой и ярко-белых, когда выскакивали из неё. Вдоль кромки воды бродил медведь. Там, где высадились, на снегу были его следы длиной в две мои ладони. Было холодно, но снега ещё мало. В Бурге -2° и изредка идет белый снег.

Я купил (выдали такую возможность за оборудование музея) две пары вельветовых брюк, серо-зелёные и зелёно-серые 50 и 52 размеров. Не знаю влезут ли они на девчонок. Пусть худеют.

До встречи. П.

А. Л. Хлобыстин. Леонид Хлобыстин как историко-культурный «материк»

На фоне стремительного развития событий современности опять фактурно проступают извечные истины: быстротечность нашей жизни и величественность Истории. Мой отец, Леонид Павлович Хлобыстин, как археолог и романтик исходил из этой «оптики»: его жизнь и научная деятельность в их единстве и драматургии тому яркий пример. Лет десять назад Л. С. Клейн предлагал мне написать о родителях-археологах, но как историк искусства я никогда в своих исследованиях не заступал на территорию сопредельной дисциплины, и не взялся тогда писать профанный текст.

В 2021 году, на 90-летие Леонида Павловича, меня пригласили выступить с сообщением о нём в Ямало-Ненецком окружном музейно-выставочном комплексе им. И. С. Шемановского в Салехарде. Это подвигло меня приступить с помощью родственников к разбору семейного архива: идентифицировать фотографии, сканировать письма, разбирать личные вещи, уточнять датировки и т. д. В результате мой доклад с презентацией и передачей ряда архивных предметов и археологических находок состоялся в конце ноября перед большой аудиторией из музейных сотрудников, прибывших из самых разных районов севера России на Окружной музейный фестиваль «Музеенале-2021», посвящённый 115-летию музея им. И. С. Шемановского. Я благодарен всем, кого там встретил, за то, что эти люди, патриоты Севера, хранят память о Леониде Павловиче, помещая его имя в ряд крупнейших исследователей Арктики.

На этих страницах, благодаря любезному приглашению ПАЖМИ, я помещаю краткий, переформатированный в эссе вариант той презентации, акцентируя внимание на важных для меня моментах в образе и деятельности отца.

Леонид Павлович родился в рабочей семье, где он был младшим, восьмым ребенком, единственным, получившим высшее образование. Последнее нельзя считать случайным: с детства отец занимался коллекционированием марок и нумизматикой, хорошо рисовал, увлекался поэзией, хорошо играл в шахматы, позже и в карты, а его отец, мой дед Павел Дмитриевич, мастер швейных машин на обувном производстве, был представителем образованного петербургского/ленинградского пролетариата. До революции он был эсером, в Гражданскую, по некоторым сведениям, служил в Первой конной. Его библиотека даже после того, как её частично сожгли в блокаду, состоит из энциклопедических словарей Граната, Брокгауза и Ефрона, дореволюционных собраний сочинений Пушкина, Тургенева, Толстого, Лескова, Чехова, Короленко, Ибсена, Гамсуна...

Семья жила на Суворовском проспекте в доме 53. Оттуда, наискосок через дорогу был виден эвакуационный госпиталь № 28 (Суворовский, дом 50), в котором 19 сентября 1941 года при самом большом по количеству жертв авианалёте на Ленинград погибло 600 человек, в числе которых был и наш дед П. Д. Хлобыстин. Старшие братья Леонида Павловича воевали на земле и в воздухе, а сам он с матерью и сёстрами, которые работали на заводах, получая рабочий паёк, что позволило семье выжить, провёл в городе всю блокаду. Впоследствии он отказывался что-либо об этом рассказывать, помимо каких-то

невольно озвученных отрывочных воспоминаний про то, что всё время лежали, про «небо двора-колодца всё в крестиках немецких самолетов, летящих бомбить водонапорную башню». Я запомнил ещё некоторые его детские загадки, бывшие явным наследием блокады («если есть свежий и чёрствый хлеб, какой надо съесть первым?»).

Опыт ленинградских детей, переживших блокаду, был исключительно радикальным. Он определил их отчаянно романтическое мировоззрение, жёсткость суждений и этику, параллельную французскому экзистенциализму и американскому битничеству, проявился в художественном и научном творчестве, поэзии, тяге к приключениям и путешествиям (Хлобыстин А. 2017: 338–354). Пережив в детстве экстрим, человек ищет его из любознательности, он сам находит границы и смело их преодолевает, не боясь принятия решений, быта и трудностей. Что именно подвигло Леонида Павловича стать археологом, мне не известно. Но занятия историей и полевые сезоны очевидно служили свойственному его поколению эскапизму — я помню, как папа говорил: «Я чувствую себя свободным, только оттолкнув лодку от берега». Лодка, поначалу резиновая и вёсельная, была основным транспортом его северных экспедиций. Конечно, в этих словах отца, увлекавшегося поэзией Востока, был и философский подтекст. Ощущение открытого мира, манящего приключениями, передалось детям — я запомнил, что в детском саду воспитательницы рассмеялись, когда на вопрос «Кем ты хочешь быть?» я ответил: «Путешественником».

Идеалистическое пренебрежение материальной стороной существования ради науки и приключений проявлялось в семейной жизни родителей-археологов. Познакомившись с отцом в экспедиции на Байкале в 1959 году, мама, Марьяна Дмитриевна Корзухина (1931–2005), в семье которой были знаменитые художники, архитекторы, физики, археологи (прадед А. И. Корзухин — академик живописи, участник «Бунта четырнадцати»; отец Д. Д. Иваненко — физик-теоретик, первооткрыватель протонно-нейтронной модели ядра; тетя Г. Ф. Корзухина — выдающийся археолог (Клейн 2010: 14–23)), без раздумий переезжает из профессорской квартиры в Москве в восьмиметровую комнату в ленинградской коммуналке к простому аспиранту, где с 1961 по 1965 годы у них рождается трое детей. Я спал с родителями на раскладывавшемся диване, сестра Майя — в деревянной кровати на колёсиках, а сестра Анжелика помещалась в чемодане на полке книжного шкафа. Детей беспощадно отправляли в детские сады и пионерские лагеря на всё лето, но всё изменилось, когда в 12 лет меня стали брать в экспедиции, где я начал работать «первобытным мальчиком» в отряде экспериментально-трасологической лаборатории Г. Ф. Коробковой и быстро освоил навыки зарисовки находок.

На Севере меня особенно впечатлили сцены из жизни в стиле Джека Лондона — с охотниками, оленеводами, шаманами, бичами, рыбаками. На реке Курейке у нас заканчивается бензин, и мы причаливаем у стойбища на берегу. Это кеты. В центре чума сидит слепой старик, нас приглашают сесть вокруг очага, начинается церемониальный разговор. Старик жалуется, что дети забывают родной язык, помнят только элементарное: «лодка», «река», «сеть». В конце церемонии отец достаёт бутылку водки и передаёт старику, у которого открываются пустые глазницы, и из них начинают течь слёзы умиления. Ребята закатывают нам в лодку 100-литровую бочку бензина. На той же Курейке мы ушли далеко вверх через несколько порогов. Спустя неделю, в воскресенье, снизу подходят две лодки с геологами, которые они ловко перетаскивают через по-

рог, прыгая по камням. Они прикинули, что на днях у нас должен был закончиться хлеб, и привезли его нам в подарок. Возвращаясь на перекладных на Большую землю, я нутром почувствовал, что люди и их отношения меняются здесь не в лучшую сторону. Также я не могу сказать, что особенно люблю природу, но в своём идеально-сказочном, райском обличье для меня это арктическая тундра.

Археологическая молодёжь бодро проводила время в поле и дома: в семейном архиве хранятся карикатуры из жизни на раскопе, фотографии поставленных там же «живых картин» и экземпляры стенгазеты «Весёлый питекантроп». Культ «первобытки», естественной жизни дикаря в природе пережил в шестидесятые самый мощный взлёт со времён французского Просвещения. В молодёжный фольклор, массовую культуру, кинематограф и мультипликацию проникают археологические и первобытные сюжеты — пещеры, «мамонты на сковородке», каменные топоры и «е-е-е маму съели, е-е-е отца не дам». Мама по секрету мне сказала, что в первобытном обществе каннибализм был практически повсеместным. «Предки» не боялись погугать детей страшными историческими сюжетами, чудовищами и всякой оккультной сволочью. Стены нашей квартиры в районе Удельной, в которую мы переехали в 1965 году и где родился брат Павел, были покрыты оленьими шкурами, шаманской одеждой, бубнами, идолами и т. п. Отец рассказывал о визите мёртвого шамана, нападениях медведей, вселяющихся в людей духах, погибших экспедициях, народцах сюпси, сихиртя и баруси.

Однако в поле этот романтик говорил, что «главное обойтись без приключений», поскольку любое приключение в условиях Заполярья — это грань гибели. Одним из талантов Леонида Павловича, при том что в экспедиции мат отсутствовал, было умение находить общий язык и наладить потлач с местным населением из самых разных страт — лучше всего ему удавались роли «профессора» и «начальника партии». Экспедиции были немногочисленные: круг друзей и единомышленников из гуманитарной и технической интеллигенции, медицины, которым было интересно друг с другом. Но, прежде всего, он был гениальным разведчиком. Викинги сказали бы, что это был человек с большим количеством счастья, приносивший и осуществлявший удачу. То есть Леонид Павлович был самый что ни на есть классический археолог — тот, кто находит. В нём была склонность к номадизму и он, исходя из своих теоретических разработок, интуиции и минимальных, как обычно у археологов, средств, умел «из ничего» организовывать работающую логистику, составлять точные маршруты, договариваясь, что здесь нас подхватит вертолёт геологов, там — вездеход военных, а потом — ледокол, что позволяло «прочёсывать» гигантские пространства.

До Л. П. Хлобыстина на Таймыре было известно всего четыре археологических памятника, а он открыл их здесь более 200, и многие из них ещё до конца не раскопаны. После выступления в салехардском музее ко мне подошёл работник какого-то дальнего ненецкого культурного учреждения и сказал: «Что же вы Горный Полуи не докопали? Там потом мумию нашли». Здесь интересно не только то, что для коллеги не было разницы между мною и Леонидом Павловичем, но и то, что в 1976 году я действительно был в экспедиции (тогда отец, помимо прочего, обнаружил городище казацкого Надыма), но в раскопках Горного Полуя не участвовал.

Конечно, в 1976-м, как и в другие годы, Леонид Павлович открыл много памятников, большинство из которых просто не имел времени и мощностей

исследовать. Плывая с отцом в лодке по петляющей в тундре реке под Яр-Сале, я спросил, как он находит стоянки в чистом поле. Он сказал, что невозможно отвести определённо — «это примерно как я смотрю, где сам бы встал лагерем». Но он не был просто удачливым фантазёром. Прежде чем сделать выдающееся открытие и находками доказать, что человек жил в каменном веке в Заполярье, он вывел это теоретически. Проанализировав географию и климат в их исторической перспективе, Леонид Павлович спрогнозировал, каким путем по «территориям с высокими гипсометрическими отметками» среди болот Западно-Сибирской низменности люди могли выйти на правый берег реки Обь и «поселиться здесь на плоских поднятиях, носящих название „материки“». В 1976 году он с ювелирной точностью находит мезолитическую стоянку на мысе Корчаги в районе Салехарда и проводит там раскопки (Хлобыстин 1976а: 108–111).

Можно сказать, что он очертил горизонт исследований. Лучше всего, на мой взгляд, это выразил рецензент книги отца, вышедшей уже после его кончины, который написал, что Л. П. Хлобыстин открыл «для нас не город, не захоронение, не культуру и не государство даже, но, по сути, целый историко-географический материк, заселявшийся, окультуриваемый, расслаиваемый на протяжении нескольких тысячелетий, начиная аж с VIII тысячелетия до н. э. Материк, о человеческой истории которого до открытий Хлобыстина не было известно практически ничего» (Аноним 1999). Употребив слово «горизонт», я вспомнил, как однажды сидел с отцом в зале заседаний ЛОИА, когда зачитывался какой-то официальный документ, в котором были слова о «корабле КПСС, на всех парусах летящем к светлому горизонту коммунизма». «Что такое горизонт?» — спросил у меня папа. «Воображаемая линия», — сказал я. «Правильно», — ответил он.

Отцу нравился подход Л. Н. Гумилёва к истории в её связи с географической средой и климатическими колебаниями. В самом начале 1970-х годов он представил меня Льву Николаевичу на заседании в Дубовом зале ЛОИА АН СССР. Помню, что на меня произвело впечатление, как Гумилёв и какой-то седобородый учёный в феске препирались, переходя с одного древнего языка на другой, демонстрируя роскошный образ науки прекрасной ушедшей эпохи.

Заполярье для археолога Хлобыстина раскрывается в понимании новейших концепций антропологии и лингвистики (возможно, где-то сохранились составленные им таблицы, сопоставлявшие языки северных народов с языками народов мира), он также изучает геологию и животный мир Заполярья. Север — это регион тайн и загадок, край Вечности, который в шестидесятые годы начинает осваиваться в ипостаси всесоюзного нефтегазового кормильца. Параллельно из мира Нансена, Амундсена и советской арктической героики 1930-х годов Л. П. Хлобыстин перебрасывает мостик в 1960-е, в сферу гуманитарного знания. Целый комплекс концепций — экономических, политических, этнокультурных и т. д., сходящихся в том, что можно условно назвать «северным вектором», обретает сейчас глобальный смысл в жизни нашей страны.

Леонидом Павловичем овладела магия Севера как самого малоизученного, свободного в своём чувстве жизни региона СССР. Он ощущал себя комфортно в мире, где взаимопомощь и радушие были вещами сами собой разумеющимися, «альтернативной бытовой экономикой», напрямую связанной с общим выживанием в единении с природой, её богами и духами и, возможно, это главное, что отец дал мне почувствовать на Севере. Леонид Павлович, создав Заполярную экспедицию, по-своему осмыслил эти тенденции и северный вектор задолго до того, как они обрели актуальное государственное и геополитическое значение.

Во второй половине 1980-х он начал активно вести не только теоретические и полевые изыскания, но и в силу обретенного профессионального авторитета и открывшихся административных возможностей заместителя директора по науке ЛОИА АН СССР активно воплощать свои замыслы в жизнь, организуя северное движение в рядах археологов и этнографов. Леонид Павлович активно налаживал научные связи с коллегами из Финляндии, Норвегии, Швеции, Канады и США. Также в бумагах отца я нашёл физическую учебную карту Арктики с его пометками памятников Заполярья и легендой: возможно, он собирался обобщить имеющиеся сведения в топографическом формате.

В апреле 1987 года он провёл в Ленинграде масштабное совещание «Исторические проблемы освоения Арктики. 200 лет археологических исследований», в котором участвовали учёные из 11 институтов и университетов Москвы, Ленинграда, Сыктывкара, Петрозаводска, Архангельска и Риги. Его план-проспект очередного планируемого выпуска «Кратких сообщений Института археологии АН СССР» свидетельствует о ещё большем масштабе намерений: «Широкий хронологический и территориальный охват археологических памятников, их генетическая близость культурам более южных районов, Финноскандии и Северной Америки, круг затрагиваемых проблем сделают сборник интересным для многих археологов, этнографов, историков и специалистов смежных наук, а также краеведов. Следует отметить, что в последние годы история освоения Арктики стала актуальной темой, а посвящённых ей сборников не выпускалось. Планируемый выпуск КСИА будет первым широко освещающим эту тему сборником не только в серии КСИА, но и во всей советской научной литературе».

Но 11 марта 1988 г. всё оборвалось, и «Краткие сообщения № 200. Двести лет арктической археологии», выпущенные по результатам совещания, выходят с заглавной статьей Леонида Павловича, где его имя заключено в траурную рамку (Хлобыстин 1990: 3–8). После ряда выдающихся открытий всемирного значения он стоял на пороге ещё больших свершений, но умер, едва ему исполнилось 57 лет. Леонид Павлович и Марьяна Дмитриевна Хлобыстины похоронены на Ковалёвском кладбище Санкт-Петербурга.

Литература

- Аноним 1999. Рец. на: Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии / под ред. В. В. Питулько, В. Я. Шумкина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998, 342 с. *Ex Libris НГ. Книжное обозрение*. 21 января, № 2 (74).
- Державин В. Л., Колесников А. Б. 2020. *Археологическая коллекция музея «Помор» на Шпицбергене. Исследования в Арктике Института археологии Российской академии наук*. Каталог. М.: ИА РАН.
- Клейн Л. С. 2010. Из кладов России: Г. Ф. Корзухина. В: Пескова А. А., Щеглова О. А. (ред.). *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. СПб.: Нестор-История, 14–23.
- Нансен Ф. 1938. *Шпицберген*. Л.: Изд-во Главсевморпути.
- Старков В. Ф., Черносвитов П. Ю., Державин В. Л., Захаров В. Г., Звягин В. Н., Шарин В. В. 2005. *Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген*. Вып. 2. Поселения и погребения. М.: Научный мир.
- Хлобыстин А. Л. 2017. *Шизореволюция. Очерки петербургской культуры второй половины XX века*. СПб.: Борей Арт.

- Хлобыстин Л. П. 1965. Древнейшие памятники Байкала. *Материалы и исследования по археологии СССР* 131, 252–279.
- Хлобыстин Л. П. 1969. О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы. В: Убрятова Е. И. (ред.). *Этногенез народов Северной Азии*. Новосибирск: Б. и., 133–135.
- Хлобыстин Л. П. 1972. Проблемы социологии неолита Северной Евразии. В: Решетов А. М. (ред.). *Охотники, собиратели, рыболовы*. Л.: Наука, 26–42.
- Хлобыстин Л. П. 1973. Крайний Северо-Восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы. *Материалы и исследования по археологии СССР* 172, 54–65.
- Хлобыстин Л. П. 1974. Жилище и его экологическая и социальная обусловленность. В: Массон В. М. (ред.). *Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений*. Л.: Наука, 54–62.
- Хлобыстин Л. П. 1976а. Находки близ г. Салехард. *Краткие сообщения института археологии* 189, 108–111.
- Хлобыстин Л. П. 1976б. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука.
- Хлобыстин Л. П. 1981. Происхождение нгансанов по археологическим данным. В: Плетнёва Л. М. (ред.). *Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири*. Томск: Изд-во Томского ун-та, 102–105.
- Хлобыстин Л. П. 1987. *Бронзовый век Восточной Сибири*. В: Бадер О. Н., Крайнов Д. А., Косарев М. Ф. (ред.). *Эпоха бронзы лесной полосы СССР*. М.: Наука, 327–344.
- Хлобыстин Л. П. 1990. Двести лет Арктической археологии. *Краткие сообщения института археологии* 200, 3–8.
- Хлобыстин Л. П. 1996. Восточная Сибирь и Дальний Восток. В: Ошибкина С. В. (ред.). *Неолит Северной Евразии*. М.: Наука, 270–329.
- Хлобыстин Л. П. 1998. *Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Шумкин В. Я. 2021. Устремлённый душой в Арктику (к 90-летию археолога Леонида Павловича Хлобыстина). *Археологические вести* 33, 245–254.
- Chochorowski J. 1999. *Problems of the Dendrochronology of Russian Hunting Stations of Spitsbergen*. Krakow: Oficyna Cracovia.
- Khlobystin L. P. 2005. *Taimyr. The Archaeology of Northernmost Eurasia*. Washington, D. C.: National Museum of Natural History, Smithsonian Institution.

References

- Anonym 1999. Review: Khlobystin L. P. *Drevniaia istoriia Taimyrskogo Zapoliar'ia i voprosy formirovaniia kul'tur Severa Evrazii*. Edited by V. V. Pitul'ko, V. Ia. Shumkin. St. Petersburg: «Dmitrii Bulanin» Publ., 1998, 342 p. *Ex Libris NG. Knizhnoe obozrenie*. 21 January, No. 2 (74) (in Russian).
- Chochorowski J. 1999. *Problems of the Dendrochronology of Russian Hunting Stations of Spitsbergen*. Krakow: Oficyna Cracovia.
- Derzhavin V. L., Kolesnikov A. B. 2020. *Arkheologicheskaiia kolleksiia muzeia „Pomor“ na Shpitsbergene. Issledovaniia v Arktike Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk*. Katalog. M.: “IA RAN” Publ. (in Russian).
- Klein L. S. 2010. Iz kladov Rossii: G. F. Korzukhina. In: Peskova A. A., Shcheglova O. A. (eds.). *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki*. St. Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ., 14–23 (in Russian).
- Nansen F. 1938. *Shpitsbergen*. Leningrad: “Izd-vo Glavsevmorputi” Publ. (in Russian).
- Starkov V. F., Chernosvitov P. Iu., Derzhavin V. L., Zakharov V. G., Zviagin V. N., Sharin V. V. 2005. *Material'naia kul'tura russkikh pomorov po dannym issledovaniu na arkhipelage*

- Shpitsbergen. Vol. 2. Poseleniia i pogrebeniia. Moscow: "Nauchnyi mir" Publ. (in Russian).
- Khlobystin A. L. 2017. Shizorevoliutsiia. Ocherki peterburgskoi kul'tury vtoroi poloviny KhKh veka. St. Petersburg: "Borei Art" Publ. (in Russian).
- Khlobystin L. P. 1965. Drevneishie pamiatniki Baikala. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR 131, 252–279 (in Russian).
- Khlobystin L. P. 1969. O rasselenii predkov samodiiskikh narodov v epokhu bronzy. In: Ubriatova E. I. (ed.). Etnogenez narodov Severnoi Azii. Novosibirsk: s. n., 133–135. (in Russian).
- Khlobystin L. P. 1972. Problemy sotsiologii neolita Severnoi Evrazii. In: Reshetov A. M. (ed.). Okhotniki, sobirатели, rybolovy. Leningrad: "Nauka" Publ., 26–42 (in Russian).
- Khlobystin L. P. 1973. Krainii Severo-Vostok evropeiskoi chasti SSSR v epokhu neolita i rannei bronzy. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR 172, 54–65 (in Russian).
- Khlobystin L. P. 1974. Zhilishche i ego ekologicheskaiia i sotsial'naia obuslovlennost'. In: Masson V. M. (ed.). Rekonstruktsiia drevnikh obshchestvennykh otnoshenii po arkheologicheskim materialam zhilishch i poselenii. Leningrad: "Nauka" Publ., 54–62 (in Russian).
- Khlobystin L. P. 1976a. Nakhodki bliz g. Salekhard. Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii 189, 108–111 (in Russian).
- Khlobystin, L. P. 1976b. Poselenie Lipovaia Kur'ia v luzhnom Zaural'e. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Khlobystin L. P. 1981. Proiskhozhdenie nganasanov po arkheologicheskim dannym. In: Pletneva L. M. (ed.). Metodologicheskie aspekty arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy v Zapadnoi Sibiri. Tomsk: "Tomsk University" Publ., 102–105 (in Russian).
- Khlobystin L. P. 1987. Bronzovyi vek Vostochnoi Sibiri. In: Bader O. N., Krainov D. A., Kosarev M. F. (eds.). Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR. Moscow: „Nauka“ Publ., 327–344 (in Russian).
- Khlobystin L. P. 1990. Dvesti let Arkticheskoi arkheologii. Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii 200, 3–8 (in Russian).
- Khlobystin L. P. 1996. Vostochnaia Sibir' i Dal'nii Vostok. In: Oshibkina S. V. (ed.). Neolit Severnoi Evrazii. Moscow: „Nauka“ Publ., 270–329 (in Russian).
- Khlobystin L. P. 1998. Drevniaia istoriia Taimyrskogo Zapoliar'ia i voprosy formirovaniia kul'tur Severa Evrazii. St. Petersburg: „Dmitrii Bulanin“ Publ. (in Russian).
- Khlobystin L. P. 2005. *Taimyr. The Archaeology of Northernmost Eurasia*. Washington, D. C.: National Museum of Natural History, Smithsonian Institution.
- Shumkin V. Ya. 2021. Ustremlennyi dushoi v Arktiku (k 90-letiiu arkheologa Leonida Pavlovicha Khlobystina). Arkheologicheskie vesti 33, 245–254 (in Russian).